

В издательстве «Вагриус» готовится к выходу в свет книга «Марина Цветаева – Николай Гронский. Письма 1928 – 1933 годов». В нее включено 151 письмо, в том числе 110, принадлежащих перу Цветаевой; 49 из них ранее не публиковались. Предлагаем вниманию читателей «ВК» несколько страниц из будущего издания, которое, наверняка найдет заинтересованный отклик у всех поклонников творчества великой русской поэтессы.

Елена КОРКИНА

В короткой жизни поэта Николая Гронского (1909-1934) встреча с Мариной Цветаевой (1892-1941) оставила яркий след.

«Он любил меня первую, а я его – последним. Это длилось год. Потом началось – неизбежное при моей несвободе – расхождение жизней, а весной 1931 г. и совсем разошлись: наглухо» – так в декабре 1934 года, после гибели Гронского, определила Цветаева историю встречи, которая подробно раскрывается в этой книге.

Цветаева и Гронский жили по соседству в парижском пригороде, одно время были даже соседями по дому (в 1926-1927 годах в Беллеву), у них было много общих знакомых, но эта при-

надлежность обоих к одному довольно тесному русскому эмигрантскому кругу не была определяющей в их встрече. Главным поводом к ней была поэзия. В начале 1928-го Гронский пришел к Цветаевой, чтобы попросить для прочтения ее книги (которых уже не было в продаже). «Помню мое первое чувство к Н.П., на его первый ко мне приход – без зова! – было благодарностью за то, что я все-таки кому-то нужна, хотя бы в виде моих книг...» – писала Цветаева матери Гронского. Такое знакомство, конечно, быстро переросло в дружбу.

**Мой спутник и путевод
Вдоль теми лесов мёдонских,
Спасибо за пеший ход:
За звезды, луну и солнце**
– такой стихотворный набросок о

совместных прогулках весны 1928 года сохранился в одной из тетрадей Цветаевой. Были еще и совместные посещения кинематографа, литературных вечеров, лекций, поездки в Париж. Встречи кончились с отъездом Цветаевой с детьми на лето, но началась переписка – почти ежедневная на протяжении почти трех месяцев. Это, кстати, единственная сохранившаяся в архиве Цветаевой двусторонняя переписка: после гибели Гронского (21 ноября 1934 года он был сбит поездом парижского метро на станции Пастер и через несколько часов скончался в госпитале Неккер от потери крови) его мать вернула Цветаевой ее письма, и одно время Цветаева даже задумывалась создать из своей переписки с Гронским книгу «Письма того лета» по

образу любимых ею с юности эпистолярных романов Беттины фон Арним. Замысел остался неосуществленным, но «письма того лета» (лета 1928 года) и составляют центральную часть публикуемой переписки.

Через три недели после смерти Гронского газета «Последние новости» опубликовала его поэму «Белладонна», которая стала открытием большого поэта, тем более неожиданным, что при жизни Гронский своих стихов не печатал. Для Цветаевой эта публикация стала поистине «посмертным подарком», радостным и горьким одновременно, ибо в авторе «Белладонны» она узнала своего поэтического сына и преемника, безвременная смерть которого путь этого преемства оборвала. ■

МАРИНА ЦВЕТАЕВА:

«ОН ЛЮБИЛ МЕНЯ ПЕРВУЮ, А Я ЕГО – ПОСЛЕДНИМ»

ЦВЕТАЕВА – ГРОНСКОМУ

Мёдон, 17 мая 1928 г.
Колюшка, может быть я плохо делаю, что говорю с Вами беспощадно – как с собой.

Например сегодняшнее – о простоте, доброте, чистоте. Кто был со мной – если не проще – то добрее и чище Вас? Мы мне начинает напоминать такую быть. Кто-то – Италия, Возрождение – приревновал свою жену к какому-то юноше. Мечта «застать с поличным». И застаёт – сомлящимся.

Что мы с Вами – как не вместе молимся? (Каким богам?)

А о простоте – что ж! не дано ни мне ни Вам. <...>

М.

ЦВЕТАЕВА – ГРОНСКОМУ

*Pontailiac, pres Royan
Charente Inferieure
Villa Jacqueline
13 июля 1928 г.*

<...> Вчера гуляли с Лос-

скими, был большой спор о море, я единственная не люблю, т.е. имею мужество в этом признаться. «Любить – обязывает. Любить море – обязывает быть рыбаком, матросом – а лучше всего Байроном (и пловец, и певец). Лежать возле и даже под ним не значит любить. Любить – знать, любить – мочь, любить – платить по счету. Как я смею сказать, что я люблю море, когда я не плаваю, не гребу, не – не – не...». Никто не понимал.

«Ах, море!» Кто-то мне даже предложил «созерцательную любовь», на что – я: «Спасибо. Меня так всю жизнь любили, пальцем не шевельнув. В России я с такой любви потеряла от голу 3-хлетнего ребенка. Смотрели и любовались, а я дохла. Любовь – прежде всего – делать дело, иначе это ТУПИК – как море для не-пловца: меня. ... Вот вы

все, любящие, и я, нелюбящая, – есть разница? Да, в словах. Море вас не преобразило, вы им не пахнете, оно не стало вашей кровью и вашим духом, я, его нелюбящая, с моим именем больше морская, чем вы». <...>

М.

ЦВЕТАЕВА – ГРОНСКОМУ

*Pontailiac, pres Royan
Charente Inf.
Villa Jacqueline
19 июля 1928 г.*

<...> Со мной делается странная вещь, начинаю кое-как втягиваться в море, т.е. не физическое (не люблю), в понятие его, в смысл его. Беру на помощь всех nereid и тритонов, – заселяю его, а во вторых – осмысливаю его. Законие оно или беззаконие, – смысл должен быть. Так, дою его (свое пребывание на нем, под ним, с ним, в нем) – по своему, с непривычного для него краю. (Морскую корову дою с головы!)

Всё это, конечно, переплеснется в стихи. Абсолютное сходство с земной любовью, которую я тоже не люблю и которой я обязана своими хорошими стихами и – м.б. – часами. (Конечно, часами раз- стихами!) <...>

Хожу в Ваших бусах и в Вашем любимом платье, самом голом (для солнца, а не для мужчин!) т.е. с открытыми плечами, цвета морёного дуба (плечи, а не платье, платье с цветочками). <...>

До завтра, дружочек, пишите чаще, – можно – а мне – нужно.

М.

ГРОНСКИЙ – ЦВЕТАЕВОЙ

<26 июля 1928>
Дорогая Марина.

<...> Если пишете стихи о море, пришлите какие-нибудь, если не трудно, мне, но, впрочем, боюсь просить, и мне ли просить, когда Вы всё нужное без просьбы.

Хочу Вам стихи (в обмен за листья).

*Через писем тех разлуку
Протяни мне руку, руку.*

*Через рельсы,
через трубы
Протяни мне губы, губы.*

*Через горы, через море
Дай мне глыбы,
бездны горя. <...>*

Марина, вижу Вас. Загорели, носите платье с цветочками, а вот солнцу завидую (правда, хороший соперник?). Ведь оно Вас жжёт – целует. Ну да с солнцем не грех и поделиться. <...>

Николай. <...>

ЦВЕТАЕВА – ГРОНСКОМУ

Pontailiac, 2 августа 1928 г.

Мой родной, сейчас полная луна и огромные приливы и отливы. Вы приедете как раз в эти дни. Вчера луна была такая, что я, я! <подчеркнуто дважды> (меня – мать – Вы знаете?) выхватила из кровати засыпающего Мура: «На-мол, гляди!» Мур, никогда луны не видевший (такая встает поздно, когда такая встает, такие как Мур уже спят), совсем не удивился, а, наоборот, еще нас всех удивил утверждением: «А вот еще луна» – оказавшаяся лампой в окне Андреевых. Вас Мур вспоминает часто и – всегда – озабоченно: «Почему Н.П. нет? Он остался на вокзале? Почему он не поехал в поезде? Ему больше хотелось в Мёдон?» <...>

Бросьте статью! Стихи лучше. От стихов растут, я через них всё узнаю, ЗНАНОЕ уже с колыбели! Осознаю. Так – с каждым пишушим. Гёте до Фауста ничего не знал ни о Фаусте, ни о Мефистофеле, ни о Елене, – разве что о Гретхен! Да и то... После Фауста (ангельского хора в тюрьме) Гёте бы уж не мог бросить ее, а если бы и бросил, – если и бросил! (всю жизнь! все! отрывался с мясом!) – то с сознанием, что ни она, ни ее ребенок не пропадут, что есть Бог для бросаемых – и суд для бросающих. Стихи – ответственность. Скажется – сбудется. Некоторых вещей я просто не писала. <...>

Аля всё более и более отделяется от меня. Целые дни с В.А.С.<увчин>ской, с к-ой может досыта говорить о кинематографе и газетных новинках. Я ей не нужна: тяжела. Если бы Вы знали, как она меня когда-то любила! А

сейчас ей первый встречный – дорожке? нет! – ПРИЯТНЕЙ. Она дорогое меняет на приятное, – если бы дорогое на дорогое – никакого бы промена не было! А здесь одну область на другую, весь мой мир – на весь сей.

Совершенно не рисует, до-чиста – не думает. <...> «Идем гулять!» Молчит. «Не хочешь?» Молчит. Достаточно. Да со мной никому не весело, ищущий веселья и обходящий меня за сто верст – прав. А я от веселых – бегу.

А ты – веселый. Т.е. моим весельем, смехом победы над тяжестью. Твое веселье – бег! Так боги веселы! Твое веселье – без слов, просто – улыбка. Ты веселишься как собака. Не ты веселишься. В тебе веселится. О тебе веселится Бог!

С грустными мне скучно, с веселыми мне весело, с тобой мне весело. Ты – двусветный, двушерстный, двусущный как я. <...>

Обнимаю тебя.

М. <...>

ЦВЕТАЕВА – ГРОНСКОМУ

Понтайяк, 1 сентября 1928 г., суббота

<...> Будут ли у нас когда-нибудь дни с тобой? Дни, не знаю, – вечность уже есть. Жить с тобой в одном доме и спать с тобой под одним кровом мы конечно уже не будем. Для этого всё должно было сойтись как сошло. Дважды этого не бывает. (И четырежды – только не у нас!)

Что я хотела от этого лета? Иллюзии (плохое слово, дру-гого нет) непрерывности, чтобы ты не приходил и уходил, а был.

Я еще не плачу, но скоро буду. <...>

После письма надела твои бусы – в первый раз за всё лето, – не выношу ничего нашего, висели на иконке. <...>

Запечатая письмо кольцом! Теперь я прошу. Обнимаю тебя за головочку, прижимаю к груди, раздвигаю твои губы своими, пьяю, пою.

М. <...>

Публикацию подготовила
Елена ТОЛКАЧЕВА
С сокращениями

Цветаева Марина

16.10.2003